

кажется, что настроеніе Верхлицкаго именно отражаетъ національную чешскую жизнь—отрицательнымъ образомъ: въ ней нѣтъ пищи для широкой поэтической мысли; какое дать этой жизни мѣсто въ міровой эпопее, которая носится въ воображеніи поэта? Онъ уходитъ въ европейскую поэзію и философію, вдохновляется ихъ содержаниемъ и особенно тѣмъ мрачнымъ направленіемъ, какое расползается философіей Шопенгауэра. Верхлицкій нашелъ много поэтическихъ образовъ для своего настроенія, но это настроеніе не вызываетъ ни къ какому дѣятельному національному порыву. Этотъ преувеличенный и мрачно настроенный идеализмъ и въ глазахъ нашего критика есть нѣчто болѣзненное; можно прибавить, что въ этомъ характерѣ первостепеннаго писателя отражается и положеніе цѣлой литературы... Чешская литература не отличается тѣмъ сильнымъ и (большей частью) здоровымъ реализмомъ, который прочно установился у насъ, начиная съ Гоголя. Разказы изъ народнаго быта, образчикъ которыхъ предлагаетъ теперь г. Степовичъ въ русскомъ переводѣ, въ чешской литературѣ только отчасти были самобытнымъ результатомъ патріотическаго дидактизма, потому что другимъ источникомъ ихъ были нѣмецкія *Dorfgeschichten*; съ нашими разказами изъ народнаго быта они имѣютъ очень мало общаго: въ чешскихъ гораздо меньше настоящаго реализма и несравненно больше романтики и сентиментальности. Очень искусственъ и чешскій общественный романъ; но мы думаемъ, что тѣмъ не менѣе знакомство съ нимъ было бы не лишено большого интереса для русскихъ читателей: они увидѣли бы здѣсь (хотя частію) и нравы общества, и свойства самой литературы.—А. Н.

— *Владиміръ Соловьевъ. Религіозныя основы жизни. Москва, 1884.*

Книга г. Соловьева имѣетъ какой-то двойственный характеръ: съ одной стороны авторъ разсуждаетъ, какъ философъ, а съ другой,—какъ богословъ-проповѣдникъ. „Наша жизнь несостоятельна и исправить ее сами мы не можемъ,—такъ начинается авторъ:—задача религіи исправить нашу извращенную жизнь. Ибо вообще мы живемъ безбожно, безчеловѣчно, въ рабствѣ у низшей природы. Мы возстаемъ противъ Бога, отдѣляемся отъ ближнихъ, подчиняемся плоти... Но какъ жить въ мирѣ, когда надъ міромъ царитъ раздоръ, когда весь міръ во злѣ лежитъ? Прежде всего не нужно вѣрить въ это зло, будто оно есть что-то непреложное. Напротивъ, оно ложно и преложно. Не въ немъ смыслъ міра. Смыслъ міра есть миръ, согласіе, единодушіе всѣхъ“. Говоря о религіи человѣчества вообще,